

ЗАМОК С
ОХОТНИЧЬИМИ
УГОДИЯМИ

Сергей Оксанин

Сергей Оксанин

Замок с охотничьими угодьями

Серия «Клуб самоубийц», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70341607

SelfPub; 2024

Аннотация

Новелла «Замок с охотничьими угодьями» рассказывает об убийстве и семейной драме, сложившейся вокруг реституции собственности, конфискованной у знатной фамилии после войны. Расследование убийства ограничивает дееспособность всех членов большой семьи, поэтому на роль опекуна сына покойного, несовершеннолетнего наследника многомиллионного состояния, семейный нотариус приглашает доктора Пётровича. Защищая интересы своего подопечного, главный герой открывает внутренний мир семейных интриг и невольно вмешивается в само расследование, которое ведут его старые друзья.

Содержание

Нотариус	4
Полет	11
Расклад	13
Младший брат	19
Кумушки	24
Вдова	30
Уроки воспитания	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Оксанин

Замок с охотничьими угодиями

Нотариус

Пётрович стоял в зоне прилета и рассматривал пассажиров, сходявших по трапу с самолета. Три дня назад Элиза получила текстовое сообщение от своего нотариуса:

«УВАЖАЕМАЯ ФРАУ ПЁТРОВИЧ. ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ С НЕОЖИДАННОЙ ПРОСЬБОЙ. МНЕ НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ ВАШЕГО МУЖА ПО ОДНОМУ ДЕЛИКАТНОМУ ДЕЛУ. ЕСЛИ ОН СОГЛАСИТСЯ ОКАЗАТЬ МНЕ ПОСИЛЬНУЮ ПОМОЩЬ, ТО Я ГОТОВ ПРИЛЕТЕТЬ К ВАМ. С УВАЖЕНИЕМ, ДОКТОР ЭДЕР.»

Элиза закончила читать текстовое сообщение, положила телефон на журнальный столик и посмотрела на мужа:

– Дорогой, мы же поможем моему нотариусу?

Что-то очень серьезное, подумал Пётрович. То, что заставляет столичного адвоката лететь на другой конец света. А раз серьезное, значит интересное. Так тому и быть:

– Элиза, без вопросов. Он столько тебе помогал, что мы не можем ему отказать. Напиши ему сообщение и спроси,

когда нам его ждать?

И вот сейчас Пётрович встречал доктора Эдера. Увидев нотариуса, входящего в зал прилета, аудитор помахал ему рукой. Нотариус прошел паспортный контроль и подошел к Пётровичу:

– Здравствуйте, доктор! Благодарю вас уже за готовность мне помочь. И простите, если мой визит принес вам и вашей жене беспокойство. Я уже забронировал себе отель и отлет на завтра, так, чтобы это беспокойство не было продолжительным.

– Доктор Эдер, я буду рад вам помочь. Если, конечно, смогу. Элиза нас уже ждет.

– Доктор Пётрович, я понимаю, что у вас нет секретов от жены, но и вы поймите меня правильно. Конечно, я хочу вначале ее увидеть и поблагодарить за содействие, а также рассказать, как идет продажа ее дома. Но суть моего дела я хотел бы обсудить тет-а-тет.

– Понимаю, – ответил аудитор. – Тогда мы сделаем так. Мы все вместе пообедаем, а потом вдвоем выйдем на террасу, и вы мне все расскажите.

Обед прошел за обсуждением продажи дома. Покупатели не спешили, рынок был на спаде, и нотариус советовал подождать до рождества. Наконец, Элиза взяла Лео за руку:

– Друзья, я вас покидаю, – она бросила понимающий взгляд на мужа, – чтобы почитать Лео сказку и уложить спать.

Хозяин с гостем вышли на террасу и сели в тростниковые кресла за журнальный столик. Иветта уже обо всем позаботилась. На столике стояла бутылка виски, ведро со льдом для гостя, содовая, два массивных стакана и мерная рюмка.

Пётрович поднял бутылку и посмотрел на нотариуса:

– Только не очень много, – сказал тот.

– А я помногу и не наливаю, – улыбнулся Пётрович и взял свободной рукой мерную рюмку. – Пятьдесят миллиграммов вас устроят?

Нотариус кивнул головой, а когда хозяин разлил виски, то положил в свой стакан два кусочка льда. Да, подумал Пётрович, мой гость не большой поклонник виски. Знатоки не добавляют в «Лагавулин» лед даже в тропиках.¹

Эдер сделал глоток и начал рассказ:

– Несколько лет назад ко мне обратился один мой давний клиент с не совсем обычной просьбой. Наверное, вы знаете, что в Восточной Европе сейчас идет реституция прав собственности, национализированной после войны. Мой клиент – потомок древнего дворянского рода, которому там принадлежал замок и охотничьи угодья. Во время войны замок фактически был оккупирован нацистами. Они его использовали по назначению. Для охоты. И родители моего клиента вынуждены были тесниться на людской половине. А когда кончилась война, отца моего клиента обвинили в кол-

¹ Lagavulin – марка одного из самых известных шотландских односолодовых виски.

лаборационизме. Поэтому замок с угожьями был конфискован. Как вы понимаете, обвинение в коллаборационизме было надуманным. Просто новые власти не могли пройти мимо такого лакомого куска. Семья моего клиента была вынуждена эмигрировать, а новые власти стали использовать замок также по назначению. Для отдыха и развлечений новой номенклатуры. Когда начался процесс реституции, мой клиент решил попытаться счастья. Я подготовил все необходимые бумаги. Но, когда тамошняя бюрократическая машина начала двигаться, произошло несчастье. У моего клиента случился сердечный приступ во время попытки ограбления его дома. Поэтому мне пришлось переделывать все бумаги, на этот раз в пользу старшего сына. К сожалению, старший сын был совсем непохож на своего отца. Откровенно, очень разнузданный тип. И без особых средств. Так что все расходы по реституции взял на себя младший сын моего клиента. Настоящая копия своего отца. Он высококлассный доктор, известный гинеколог, и работает в одном из наших самых престижных медицинских центров. Кстати, именно он оплатил и мою поездку к вам.

Дело уже близилось к завершению, как опять произошло несчастье. Во время семейного ужина старший брат был отравлен. Полиция начала расследование, но его перспективы очень туманны. Я поделился этим со своим отцом, который изначально и вел дела той семьи, и он посоветовал обратиться к вам. Ведь именно благодаря вам фрау Пётрович,

в бытность фройляйн Консилия, вернулась под сень нашего нотариального дома. О вас даже не надо было наводить справки. Ваше имя известно всем нашим юристам, работающим на стыке хозяйственного и уголовного права.

– Доктор Эдер, – пригубив виски, сказал Пётрович, – мне лестно это слышать, но вы же приехали не для того, чтобы расточать мне комплименты. Так что давайте переходить к сути дела.

– Она такова, – продолжил нотариус. – В этой семье было установлено правило майората. Надеюсь, что вы знаете, что это такое?

– Конечно, – ответил Пётрович. – В той семье, дворецкий который однажды позвонил вашему отцу и попросил об услуге для фройляйн Консилия, также был установлен майорат.

– Совершенно верно. Но в нашем случае он создает проблемы. У старшего брата, ныне покойного, есть сын. Несовершеннолетний. Именно к нему и переходит вся семейная собственность, в том числе и та, которая может вернуться после реституции. Но, поскольку он несовершеннолетний, он не может вести дела самостоятельно, и ему требуется официальный опекун. В том числе, и в деле реституции. Ближайшие родственники, которые могут претендовать на право опекуна, это его мать и дядя. Младший брат покойного. Но они в настоящий момент имеют статус подозреваемых в деле об убийстве. Они оба присутствовали на том зло-

получном ужине. Как вы понимаете, ни одна юридическая инстанция не утвердит опекуном человека, который может быть осужден за убийство того, чье право собственности перешло к его несовершеннолетнему сыну. Право опеки должен утвердить суд на основании доверенностей двух ближайших родственников, что мы можем получить в нашем случае. И, поскольку статус аудитора позволяет заниматься опекунством, то у меня к вам предложение стать официальным опекуном этого юноши.

Пётрович уже в последних фразах нотариуса угадал, каким будет его предложение. Но, даже несмотря на догадку, это предложение было очень неожиданным:

– Доктор Эдер, – аудитор стал неспеша набивать трубку, – позвольте мне сделать несколько уточняющих предположений.

– Прошу вас, – сказал нотариус.

– Если вы сказали, что вашу поездку ко мне оплачивает младший брат покойного, то это значит, что ваше предложение исходит от него, так?

– Совершенно верно. Он уже подтвердил согласие с вашей кандидатурой.

– Но, согласно формальной логике, – продолжил аудитор, – опекуном должна стать мать этого юноши, вдова покойного. Значит, если младший брат покойного делает мне такое предложение, то он не хочет, чтобы опекуном наследника становилась его мать, так?

– Это верно лишь отчасти, – ответил Эдер. – Да, у них в большой семье очень непростые отношения. Но здесь дело не только в этом. Младший брат, он же мой клиент, боится, что дело о реституции просто заглохнет. Большой семье сейчас необходимо подтвердить правомочность наследника, то есть, представить его официального опекуна.

– Но тогда, если я соглашусь, – рассудительно заметил Пётрович, – мне надо будет заручиться не только согласием вашего клиента, но и матери несовершеннолетнего наследника?

– Совершенно верно, – ответил нотариус. – Я уже сказал про непростые отношения в большой семье. И самые напряженные между младшим братом покойного и его вдовой. Так что он не может с ней обсуждать этот вопрос. И, если вы примете мое предложение, то убеждать ее согласиться с вашей миссией опекуна придется вам. В этом и заключается ваша задача. Если вы получите ее согласие, то суд тут же заверит ваше право опеки.

– Другими словами, – усмехнулся Пётрович, – на завтрашний обратный рейс у вас зарезервирован не один билет, а два?

– Если вы откажетесь, то я успею отменить бронь, – сказал нотариус.

Полет

Нотариус спал, закутавшись в плед, а Пётрович потягивал виски и смотрел в иллюминатор. Темнота за бортом усиливала воображение.

Свое согласие он дал только утром. Вечером он посадил нотариуса на такси, а сам пошел обсуждать возможный отъезд с женой: «Дорогая, ты отпустишь меня на пару недель?». Владу в такой час звонить было более, чем поздно. Там у них скоро рассвет.

Он позвонил следователю утром. И только тогда, когда Влад сказал, что дело об отравлении наследника дворянского рода находится в его производстве, он принял решение, позвонил фрау Кламмер и попросил подготовить тетин дом к его приезду.

Они встретились с Эдером в аэропорту за два часа до отлета. Устроившись в лонже первого класса, они спокойно обсудили детали предстоящей работы, так, чтобы на эту тему в самолете не разговаривать.

На поверхности дело представлялось очень простым. Получить согласие вдовы, приложить к нему согласие младшего брата, и передать все бумаги Эдеру. А тот уже направит их в суд и потом в Восточную Европу. Правда, в этой схеме скрывалась маленькая засада. Правительственная комиссия в Восточной Европе, занимающаяся реституцией, не смо-

жет не принять эти бумаги. Но, в силу сложившихся обстоятельств, она установит ограничения на права опекуна. Например, лишить Пётровича права отчуждения недвижимости, то есть продажи замка и охотничьих угодий. Но аудитору это было только на руку. Это облегчало предстоящий разговор со вдовой. Мадам, не волнуйтесь, ваши угодия никуда не денутся. Тем более, что по факту его статус опекуна окажется временным. Как только со вдовы будет снято подозрение в убийстве, она сможет истребовать свое право на опеку через суд.

Но именно в этой детали и скрывалась самая большая заграда, далеко за пределами дела об опеке, и как раз *на поляне* старшего следователя по особо важным делам департамента полиции. Если вдова покойного и его младший брат готовы передать аудитору право временной опеки, значит, и та, и другой не являются виновными, а если являются, то уверены в том, что их вину доказать невозможно. Более того, если младший брат уже выразил готовность воспользоваться услугами аудитора, значит, не исключена возможность, что он уверен в виновности своей невестки, и что право опеки в этом случае перейдет к нему.

Пётрович пожегся. Вентиляция в салоне работала на полную мощь. Он допил виски и закутался в плед. Встречусь со Владом, узнаю детали, а там посмотрим, подумал он.

Расклад

– Доктор, это так здорово, – обнимая Пётровича. сказал Влад, – что нотариус Элизы втянул вас в это дело. Вы же теперь запросто сможете расспрашивать подозреваемых. И наверняка что-нибудь обнаружите.

– А что буду делать я? – сделав глоток пива и вытерев усы, спросил Шнайдер.

– Шеф, – ответил следователь, – у вас же сейчас разгар сезона. Бега по средам и по субботам. Массаж у Анджелы. Будете выбираться по возможности, тем более, что доктор приехал один, без семьи, и вы сможете останавливаться у него. А мы также будем все вместе обсуждать, как идет расследование, и вы наверняка подбросите нам пару ценных идей.

– Влад, – добавил Пётрович, – есть еще одно обстоятельство, где наш друг может оказаться полезным. Один из твоих подозреваемых работает в медицинском центре. Может, нам пригодятся связи твоего бывшего шефа со службой безопасности департамента здравоохранения?

– Доктор, – Шнайдер сделал еще один глоток, – после такого феерического завершения дела об отравлении в венском экспрессе вы можете спокойно обращаться в департамент здравоохранения напрямую. Ваш авторитет там сейчас гораздо выше моего. Я, конечно, взял сегодня с собой дорожный саквояж, но пока не представляю, что я буду делать

завтра.

Как всегда, друзья собрались на ужин, традиционный шнапс под рульку, в кафе напротив дома Пётровича. Было воскресенье, но Любляна не могла не разрешить Владу пропустить вечер обязательного папиного дня ради такого случая.

– Шнайдер, завтра утром, – сказал Пётрович, – вы пойдете в гости к Кристине.

– А что я там буду делать? – спросил сыщик.

– Помните, – ответил аудитор, – что, когда мы искали драгоценности Элизы, Георг, дворецкий Кристины, сказал, что их аристократический квартал такая же маленькая деревня. Где моментально распространяются все слухи. Дом, в котором произошло убийство, расположен в том же квартале, где и живет Кристина. И где стоит дом моей жены, который мы никак не можем продать. Георг тогда рассказал, как его кумушки в лавке зеленщика обсуждали находку в доме моей жены. А нотариус мне сказал, что в той большой семье покойного были очень непростые отношения. Может, кто-нибудь из кумушек Георга поведаст нам, какие там были отношения?

– А вот это по мне, – Шнайдер сразу повеселел. – Уж где-где, а в лавке зеленщика я всегда найду общий язык.

– Доктор, – спросил Влад, – а вы знаете, что такие расспросы действительно могут быть полезны?

– Еще бы, – ответил аудитор. – Как я понял, нотариус в

курсе того, что происходило в этой большой семье. Но его деловая этика не позволяет ему это рассказывать. Так что будем пользоваться сплетнями. А пока расскажи суть дела.

– Тогда слушайте, – сказал следователь: – Это была годовщина смерти отца двух братьев. По традиции, был организован семейный ужин. И старший брат, как новый хозяин дома, пригласил гостей. Младшего брата и его жену. Кроме них, за столом была жена старшего брата и их сын. И периодически из кухни в гостиную выходил дворецкий. С блюдами и напитками. Сам ужин прошел спокойно. Семья обсуждала, как теперь будут обстоять дела с реституцией.

– А это что такое? – спросил Шнайдер.

– Отец братьев подал заявку на возвращение семейной собственности в Восточной Европе, национализированной после войны. Замок и угодья. Рыночная оценка порядка пятнадцати миллионов американских долларов.

– Вот это да! – Шнайдер даже присвистнул. – Доктор, как бы вас ни *прихлопнули* из-за таких денег.

– Не волнуйтесь, – улыбнулся Пётрович. – Реституция – это достаточно сложный правовой механизм. В частности, он ограничивает права опекуна. Я не смогу продать замок. Давайте, дослушаем Влада.

– В этой семье, – продолжил следователь, – как и у Кристины, был прописан майорат. Поэтому замок со всеми *его причиндалами* должен был отойти к старшему сыну. Младший брат принял это, как должное, обычай есть обычай, но

за тем ужином он задал старшему брату вопрос: «Когда реституция будет утверждена, ты поступишь с замком также, как и с коллекцией семейных портретов?»

– А что случилось с этой коллекцией? – спросил Шнайдер.

– Когда, после смерти отца, старший брат вступил в права майората, первое, что он сделал, так это продал коллекцию семейных портретов. А там были работы еще восемнадцатого века. Так что сумма от продажи должна была получиться немаленькой. Младший брат тогда очень расстроился. Дело в том, что старший брат был совсем не похож на своего отца. А младший очень похож. С его слов, он вылитая копия своего прадеда, командира гусарского полка. Поэтому он просил брата не продавать этот портрет, а отдать ему. Но брат сказал нет. Поэтому, в тот трагический вечер, младший брат обеспокоился, не уйдет ли после реституции на сторону вся их фамильная гордость?

– Как я понимаю, – сказал Шнайдер, – ты успел допросить младшего брата?

– Не только его, – ответил Влад. – Но и всех остальных участников этого ужина.

– И каковы твои первые впечатления? – не унимался сыщик.

– Пока все дело выглядит, как безнадежный *висяк*, – ответил следователь. – Но я не зря сказал, что ваши расспросы в тамошнем квартале могут оказать полезными. По всем участникам этого происшествия видно, что они много-

го не договаривают. Дворецкий ссылается на семейную этику, вдова на память об усопшем. Даже младший брат, который был наиболее откровенным, что-то скрывает.

– А его жена? – спросил Пётрович.

– Дама очень поверхностная. Этакая Барби. *Завсегда тайша* художественных салонов, – сказал Влад. – Она точно помнит, кто во что был одет, но кто и как двигался во время ужина, она не может вспомнить. Но есть одна серьезная зацепка, – продолжил следователь. – Орудие убийства. Как только старший брат упал, младший тут же наклонился к нему, почувствовал запах миндаля и приказал всем оставаться на своих местах. А сам по мобильному телефону вызвал полицию. Приехали дежурные полицейские. Разобравшись, что к чему, они позвонили нам в управление. Наш дежурный распорядился, чтобы ничего не трогали, никто не двигался с места, а если кому-то приспичит, то только в сопровождении. Он приехал на место и заставил всех присутствующих вывернуть карманы. Ничего. Тогда он напряг дежурный наряд, и они втроем обыскали всю гостиную. Также ничего. За это время обе дамы выходили в туалет, и дворецкий выходил на кухню, чтобы выключить печку под пирогом. Правда, пирог уже успел сгореть. Хотя уже был поздний вечер, наш дежурный не поленился осмотреть и сад под окнами гостиной. Он оставил одного парня присматривать за гостями, а второй, с фонариком, вышел за ним в сад. И там им повезло. В траве они обнаружили стеклянный пузырек,

издававший характерный запах миндаля. Но тот вечер был теплым, и окно оставалось открытым в течение всего ужина. Мальчику, сыну покойного, по состоянию здоровья, категорически запрещено вдыхать табачный дым. Поэтому все гости периодически подходили к открытому окну, чтобы покурить. Убитый упал с кресла после того, как сделал глоток виски. Но, поскольку он себе наполнил целый стакан еще в начале вечера, то стакан оставался недопитым на столе в течение всего ужина.

– Цианистый калий в стакане с недопитым виски, – прокомментировал Шнайдер. – Это мы уже проходили в деле Фасснахт. А почему никто не почувствовал запах миндаля из стакана в этот раз?

– Я задал этот вопрос всем присутствовавшим. Они все они дали один и тот же ответ. Вдова, опять-таки по традиции, поставила в центре стола поминальную свечу. Вот все и запомнили запах свечи. Также все присутствующие хорошо помнят, что под горячее покойник пил красное вино. Значит, яд был налит после аперитива и перед дигестивом. Покойник сидел во главе стола, поэтому все, кто подходил к окну покурить, проходили мимо стакана с виски. Это все, что удалось узнать. Наш дежурный забрал пузырек в управление. Отпечатков пальцев на нем обнаружено не было.

– Выкидывать пузырек в сад – это работа дилетанта, – резюмировал Шнайдер. – А дилетантам обычно везет. А вот и наша рулька!

Младший брат

– Доктор Пётрович, – господин средних лет встал из-за стола навстречу аудитору и нотариусу, – как я рад, что вы согласились! Позвольте представиться. Франц Кауниц младший.

Эдер договорился о деловой завтраке с младшим братом покойного в уютном ресторане при гостинице, расположенной на улице, разделявший богемный и аристократический квартал.

– Я приехал много раньше, – усаживаясь в кресло, сказал Кауниц. – Заложил время на пробки при въезде в город, а их сегодня как раз и не было. Я живу в маленьком городке, Обердорфе, рядом с медицинским центром, где я работаю, – пояснил он. – Что вы предпочитаете на завтрак?

– Спасибо, – ответил аудитор, – но я уже плотно позавтракал дома, так что ограничусь кофе и минеральной водой.

– Мне, пожалуйста, то же самое, – сказал нотариус.

– Значит, все вместе попьём кофе, – Кауниц сделал заказ подошедшему к ним официанту, а когда тот отошел, обратился к аудитору:

– Доктор Пётрович, как я понимаю, доктор Эдер ввел вас в курс дела. Мое официальное согласие на вашу опеку моего племянника уже подписано и заверено. Так что я готов ответить на ваши вопросы. Доктор Эдер мне сказал, что вы

хотите уточнить некоторые детали.

– На самом деле, деталь только одна. Сегодня после обеда мне предстоит непростой разговор на эту же тему с вашей невесткой. Доктор Эдер был так любезен, что договорился о моем визите к ней в четыре часа пополудни и уже подготовил соответствующую бумагу. Она у меня в этой папке, – и Пётрович показал на папку, лежавшую перед ним. – Поэтому сейчас я хотел, чтобы вы мне рассказали, к чему мне готовиться.

– Другими словами, вы хотите услышать мое мнение о ней? – спросил Кауниц.

– Если вас не смущает такая постановка вопроса, – ответил Пётрович, – то да.

– Моя невестка очень своеобразная женщина. С одной стороны, она очень терпелива. Иначе она не смогла бы выносить столько лет очень непростой характер моего брата. Но, с другой стороны, она способна на чрезвычайные поступки. Она рано вышла замуж и никогда не работала. Но, поскольку брат сорил деньгами, то ее быт был достаточно скромным. И, если бы не помощь моего отца, у ней не хватило бы средств на лечение сына.

– Он болен? – спросил Пётрович.

В этот момент официант принес кофе, и собеседники сделали паузу. Когда официант отошел, Кауниц продолжил:

– Да, и к сожалению, неизлечимо. У него достаточно редкое заболевание. Хронический лейкоз. Поэтому он периоди-

чески нуждается в определенной терапии. Он проходит ее в моем медицинском центре. В Обердорфе. И это достаточно дорогостоящее лечение. Поэтому мы с братом не удивились, когда в завещании отца отдельной строкой была прописана сумма на ее имя, предназначенная для лечения.

– Ваш отец оставил завещание? – спросил Пётрович.

– Да, он был сердечником со стажем. Поэтому еще после первого инфаркта он составил завещание и передал его доктору Эдеру.

Нотариус молча кивнул головой.

– Ваш отец тоже проходил лечение в вашем центре? – спросил аудитор.

– Нет, – ответил Кауниц. – Только диспансеризацию. Она покрывается страховкой, поэтому у меня обследовались все члены нашей семьи. И даже наш дворецкий.

– А ваша невестка, она тоже проходила у вас диспансеризацию?

– Я же сказал, – ответил Кауниц, – что смог организовать обследование для всех членов семьи. В том числе и для нее.

– Тогда позвольте еще один деликатный вопрос, – аккуратно расставляя слова, спросил Пётрович. – Ваше замечание о способности невестки на чрезвычайные поступки наводит на мысль, что вы не исключаете того, что она могла убить своего мужа?

– Вполне, – откинувшись на спинку кресла, ответил Кауниц.

– Но тогда это был не только чрезвычайный, но и эксцентричный поступок, – сказал аудитор. – Ведь, согласно механизму реституции, если бы она получила право опеки, то все равно не могла бы полностью распорядиться наследством. Зачем же ей был убивать своего мужа?

– Вы очень верно заметили, – сказал Кауниц. – Да, это мог быть эксцентричный поступок. Не содержащий корыстного мотива. Я же говорил, что у брата был сложный характер. Может, она просто устала его терпеть? – Он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

– Но полностью исключать корыстный мотив нельзя, – возразил Пётрович. – Если бы она стала опекуной своего сына, то не смогла бы продать недвижимость в Восточной Европе. Но на ваш здешний фамильный дом это ограничение не распространяется. Она смогла бы продать его.

– Да, – вмешался нотариус, – и мы с ней уже это обсуждали. Дело в том, что после смерти мужа за ним остались долги, оплатить которые его вдова не в состоянии.

– Поэтому я был вынужден, – слово опять взял Кауниц, – взять в банке кредит и выкупить долги брата.

– И что, ваша невестка не оценила вашу щедрость? – спросил Пётрович.

– Этот жест не был подарком с моей стороны, – ответил Кауниц. – После смерти брата мы созвали семейный совет, пригласили на него доктора Эдера, и он предложил схему, которая устроила всех.

– Я предложил доктору Кауницу, – сказал нотариус, – взять кредит с гарантийным обеспечением со стороны его невестки. В этом случае на нее возлагалась ответственность за погашение кредита. И, если она станет опекуном своего сына, то для возврата кредита она продаст дом. В этом случае у нее останутся средства на покупку квартиры.

– А если опекуном станете вы? – аудитор обратился к Кауницу.

– Я точно также продам дом. И погашу кредит. Мы на том совете приняли решение, что так или иначе дом будет продан. Он мне не нужен. Мне хватает моего маленького домика в Обердорфе.

– Ваше совместное решение продать фамильный дом, – сказал Пётрович, – значительно упрощает мой разговор с вашей невесткой. Спасибо, что рассказали об этом, – и заметив, как собеседник бросил взгляд на часы, он добавил:

– Тогда у меня больше нет вопросов.

– Ну вот и славно, – затушив сигарету, сказал Кауниц и встал из-за стола. – Очень рад был с вами познакомиться. Надеюсь, после разговора с моей невесткой вы поставите в известность доктора Эдера о его результатах.

Кумушки

Не успел Пётрович выйти из гостиницы, как его побеспокоил Влад:

– Доктор, вы еще заняты или уже освободились?

– Я только что закончил очень интересный разговор.

– И у нас, благодаря кумушкам Георга, тоже есть интересная информация. Шнайдер уже направляется в наше кафе, а я к вам подъеду попозже.

Когда Пётрович вошел в кафе, сыщик уже сидел за их любимым столом и потягивал пиво:

– Доктор, вам позвонил Влад?

– Да.

– А он успел рассказать, что мы с Георгом раскопали?

– Нет.

– Тогда заказывайте пиво и слушайте.

Пётрович сделал знак бармену и сел за столик.

– Итак, – начал рассказ Шнайдер, – мы заходим с Георгом в лавку к зеленщику, он меня представляет, все честь по чести, друг дома, следовательно в отставке, и кумушки сразу набрасываются на меня с расспросами, как идет расследование убийства? Я, чтобы их еще больше раззадорить, спрашиваю, почему они так настойчиво насаждают на меня? И тут одна из них говорит: «Потому, что прошлое убийство вы не раскрыли.» Тут уже я недоуменно спрашиваю: «Какое прошлое

убийство?». «Герра Кауница старшего», – отвечает она. Я задаю вопрос: «А это было убийство?» «Конечно, – отвечает она, – я сама той ночью слышала из их дома два выстрела. Мои окна как раз напротив.» Я отшучиваюсь, а сам делаю знак Георгу, что нам надо идти звонить. Мы покупаем овощи, раскланиваемся, обещаем держать их в курсе и уходим. Но тут я оборачиваюсь и вижу, что та любопытная старушка семенит за нами. Мы останавливаемся. Она подходит к нам и говорит: «Господин следователь, я могу поделиться еще кое-чем. Я думаю, что герра Кауница убил его старший сын, а полиция решила замять это дело.» «Почему вы так думаете?» – спрашиваю я. И тут она меня буквально огорошила: «Потому, что герр Кауниц был любовником своей невестки. Вот старший сын узнал об этом и убил своего отца.» «А с чего вы взяли, что свекр был любовником своей невестки?» И она мне рассказывает: «Старший сын был аферистом и часто пропадал в разъездах. И вот, когда его не было дома, его жена приходила в спальню к своему свекру.» «Вы это видели?» – спрашиваю я. «Нет, но это было понятно. Окна спальни герра Кауница как раз выходят на мои. И по утрам я видела, как он, раскрыв окно, делает зарядку. А днем из дома часто выходили их дворецкий и няня с малышом, внуком герра Кауница. Дворецкий шел за покупками, а няня выгуливала мальчика. И, как только они выходили из дома, герр Кауниц закрывал гардины в своей спальне. Среди бела дня. Неужели непонятно, для чего?» Мы с Георгом возвращаемся к нему

домой, я звоню Владу, все рассказываю и прошу *пробить* по архивам историю с Кауницем старшим. Вот сейчас он придет и расскажет ее нам.

– Шнайдер, – сделав глоток пива, сказал Пётрович, – а вы знаете, что кумушка Георга действительно могла быть права. Насчет этой любовной связи. Я утром узнал, что Кауниц старший не только оплачивал лечение внука, у того очень тяжелая хроническая болезнь, но и завещал своей невестке некоторую сумму, опять-таки предназначенную для лечения. И любовная связь объясняет такую благотворительность.

В этот момент в кафе вошел Влад:

– Друзья, у меня времени только на чашку кофе. Доктор, расскажите нам вкратце, что вам удалось узнать?

– Влад, подожди. Расскажи сначала лучше ты. Потому что мой рассказ может удачно лечь на твой.

– Хорошо, – сказал следователь. – Никакого убийства не было. Франц Кауниц действительно умер от сердечного приступа. Это показало вскрытие. Но причиной его смерти была попытка ограбления. Поэтому это дело и не попало ко мне. И в этом деле только показания дворецкого и рапорт дежурных полицейских. И больше ничего. Старший сын, который жил с отцом, в те дни был с женой и сыном на водах. В Рейнеништадте, – усмехнулся Влад. – Той ночью дворецкий проснулся в своей комнате, потому что услышал в гостиной какой-то шум. Он приоткрыл дверь, и увидел как двое муж-

чин снимают со стены картину. Семейный портрет. Только он собрался выйти и поднять тревогу, как из своей спальни вышел хозяин, в ночной рубашке, но с винтовкой в руках. Она всегда висела на стене в его кабинете, а между спальней и кабинетом была проходная дверь. Хозяин закричал, что будет стрелять, картина выпала из рук грабителей и грохнулась на пол. Видимо, этот грохот напугал хозяина, тот поднял винтовку и выстрелил. И тогда один из грабителей тоже произвел выстрел. Хозяин присел на пол, и дворецкий бросился к нему. А грабители убежали через парадную дверь на улицу. Дворецкий подумал, что хозяин ранен, но не нашел следов крови. Хозяин просто учащенно дышал. Дворецкий бросился к телефону, вызвал полицию и «скорую помощь». Медики приехали быстрее, и хозяин скончался буквально у них на руках. Потом приехали дежурные полицейские, спокойно расспросили дворецкого и осмотрели гостиную. На потолке, дворецкий принес стремянку, они обнаружили пулю от винтовки. Но следов второго выстрела они не нашли. Значит, у грабителей был просто пугач и не было даже покушения на убийство. Полицейские записали показания медиков и уехали. Дело даже не попало к нам в управление. Мои ребята нашли его только в центральном архиве. Попытка ограбления, повлекшая за собой несчастный случай. Так что, доктор, теперь рассказывайте вы.

– Влад, – задумчиво произнес Пётрович, – твой рассказ еще более запутал картину. Ты сказал, что хозяина звали

Франц Кауниц?

– Да.

– Теперь мне понятно, почему его сын представился как Франц Кауниц младший. Но нынешнего покойника звали Роберт. Возникает вопрос – почему Франц Кауниц дал свое имя не первенцу, а его младшему брату?

– Это вы додумаете на досуге, – сказал следователь, – а пока поделитесь тем, что вы узнали.

– Вкратце не расскажешь. Очень запутанная ситуация с правами на недвижимость. Но в сухом остатке можно выделить то, что у вдовы мог быть мотив убить своего мужа. Но, скорее всего, это был не корыстный, а личный мотив. А рассказ твоего шефа добавил этому мотиву новые краски. Может, это очередное случайное совпадение, точнее, цепь нескольких совпадений.

– Каких? – спросил Шнайдер.

– Кумушка Георга сказала, что отца убил старший сын из-за ревности. Но первое, что он сделал после смерти отца, так это распродал ту самую фамильную коллекцию портретов, которую пытались похитить. Можно предположить, что у него уже был на нее покупатель. Как я понимаю, дознание по факту попытки ограбления не проводилось. А вдруг грабители работали по наводке старшего сына? Тогда остается только предположить, что жена старшего сына каким-то образом, спустя несколько лет, узнала об этом и решила отомстить мужу за смерть своего благодетеля. И любовника,

если верить кумушке Георга. И тот разговор, который мне предстоит сегодня после обеда, и который мне казался очень простым, становится невероятно сложным.

Вдова

Проводив Влада, друзья с аппетитом и не спеша пообедали. Шнайдер собирался уехать четырехчасовым поездом, поэтому сейчас, довольный своей удачной вылазкой в лавку зеленщика, не в меру разговорился, чему способствовало обычное возлияние, которое Пётрович себе позволить не мог. На встречу со вдовой он должен был пойти в полной форме.

Распрощавшись со Шнайдером, Пётрович направился вглубь аристократического квартала.

Дворецкий открыл ему парадную дверь и проводил его в гостиную. Там, на диване, сидела миниатюрная, очень милостивая женщина, возраст которой было трудно угадать. Пётровичу тут же на ум пришла соответствующая поговорка «Маленькая собачка всегда щенок.» Аудитор поклонился, протянул свою визитную карточку и представился:

– Доктор Пётрович, аудитор, частная практика.

– Здравствуйте, доктор. А я фрау Кауниц. Прошу вас, – и она указала на кресло напротив дивана.

– Фрау Кауниц, надеюсь, что доктор Эдер объяснил вам цель моего визита? – сев в кресло и положив на колени папку с бумагами, спросил аудитор.

– Да, ответила женщина, – он очень подробно рассказал, почему он выбрал вас для выполнения столь непростой мис-

сии. Как я понимаю, я должна дать согласие на привлечение вас в качестве опекуна моего сына. Если я правильно его поняла, то, как только расследование убийства моего мужа будет завершено, то я смогу истребовать свое право на опеку через суд.

– Совершенно верно, – согласился Пётрович. – Поскольку все бумаги для реституции уже подготовлены, то в них надо добавить только мои полномочия. Поэтому дело о реституции может быть закрыто достаточно быстро. Что же касается расследования убийства вашего мужа, то доктор Эдер назвал его перспективы достаточно туманными. Это значит, что реституция может завершиться до того, как закончится расследование. Поэтому, когда оно закончится, то вам будет достаточно обратиться в любой суд здесь, и он подтвердит ваше право. А до этого я буду исполнять свои обязанности лишь формально. Поскольку у меня не будет права распоряжаться собственностью вашего сына.

– А почему доктор Эдер считает перспективы расследования туманными? По-моему, здесь все ясно. Моего мужа убил его брат.

– Зачем ему было это делать? – спросил Пётрович.

– Чтобы расчистить себе дорогу к пятнадцати миллионам долларов.

– А как же ваш сын?

– Мой мальчик неизлечимо болен. И, к моему великому сожалению, вынужден проходить курсы терапии, поддержи-

вающей его хрупкое здоровье, в клинике этого негодяя. Так что жизнь моего сына в его руках. — Она взяла с журнального столика, стоявшего рядом с диваном, пачку сигарет и зажигалку. Пётрович не стал суетиться и предлагать ей закурить, но вместо этого спросил:

— А почему вы не обратитесь в другую клинику?

— На другую клинику у меня просто не хватит средств. — Женщина наконец закурила сигарету. — Этот негодяй был так предусмотрителен, что сумел организовать лечение по минимальному тарифу.

— А почему вы называете своего деверя негодяем? Я пока слышал о нем только хорошее.

— От кого вы это слышали?

— От доктора Эдера.

— Доктор Эдер многого не знает. Если честно, то когда он рассказал мне о намерении пригласить вас, и о том, что ваша кандидатура одобрена этим негодяем, я хотела сразу отказать вам. Потому что у меня возникло ощущение, что это его очередной дьявольский план. В котором вы играете незавидную роль покорного исполнителя его воли.

— Почему же вы передумали?

— А я еще не приняла решение. Я согласилась только переговорить с вами, чтобы посмотреть, что вы за *фрукт*, и уже потом принять решение.

— То есть, я вам должен понравиться?

— Нравиться мне совершенно необязательно. Вы должны

вызывать доверие. Пока я вам не доверяю.

– Я это чувствую, раз вы не хотите мне рассказать, почему вы считаете своего деверя негодяем.

– Это очень личное. Я об этом не рассказывала даже на исповеди. И тем более не собираюсь рассказывать вам.

– Пусть будет так, – сказал Пётрович. – Тогда, чтобы завоевать ваше доверие, я должен представить вам некоторые гарантии, что я вас не обману. Как я понимаю, вы далеки от моего профессионального мира, поэтому ссылка на мою репутацию там вас не устроит. Но я могу предложить нечто другое. В вашем квартале, по соседству, живут две семьи, которым я помогал в очень непростых ситуациях. А моя работа осложнялась тем, что в ткань уголовных дел вплелись мои личные отношения с заказчиками. Точнее, с заказчицами. Одна из них была моей студенческой любовью, а другая моей будущей женой. Если хотите, я могу назвать их имена. Может быть, их рассказ убедит вас в том, что мне можно доверять?

Пётрович заметил, что взгляд собеседницы изменился. В нем появился интерес. Наконец женщина сказала:

– А вы не боитесь быть откровенным. Это делает вам честь. Скажите, а как вы поступите, если следствие придет к выводу, что мужа убила я?

Вот это вопрос, подумал Пётрович. Да, разговор получался совсем непростым. Ну что же, будем отвечать:

– Фрау Кауниц, ваша материальная выгода от смерти му-

жа очень невелика. Для уплаты долгов мужа вам придется продать дом и переехать с сыном в маленькую квартиру. Также, как и я, в случае, если суд вам вернет право опеки, вы не сможете продать недвижимость в Восточной Европе. Так что серьезных корыстных побуждений убить своего мужа я не нахожу. Если это сделали вы, то вами должен был двигаться другой, личный мотив. У меня был случай, когда женщина убила своего любовника из-за опасения, что он раскроет ее финансовые махинации. Но я представил дело таким образом, что суд согласился считать мотивом убийства не корысть, а обыкновенную женскую ревность. И вместо максимального срока та женщина получила срок минимальный. Достоверность моего рассказа может подтвердить следователь, которые ведет ваше дело. Такой ответ вас устроит?

Женщина прищурилась, затушила сигарету и сказала:

– Та бумага, которую составил доктор Эдер и которую я должна подписать, она при вас?

– Да.

– Дайте мне ее посмотреть.

Пётрович достал из папки доверенность и протянул собеседнице. Та взяла ее и начала внимательно читать. Наконец она подняла голову и посмотрела на аудитора:

– Доктор Пётрович, последние несколько секунд чаша весов еще колебалась. Я согласна подписать эту бумагу. И знаете, почему? Потому, что вместе с этой бумагой вы не протянули мне ручку для подписи. Значит, вы не давили на ме-

ня, и до этой самой последней секунды вы оставляли за мной право выбора. А теперь дайте мне ручку.

Уроки воспитания

Выйдя из дома Кауницев, Пётрович сразу же позвонил нотариусу, отчитался о выполненном поручении и, пользуясь тем, что дом Эдера находился по соседству, зашел к нему и отдал бумагу.

– Доктор Пётрович, по сути, вы уже выполнили свою работу, – сказал нотариус. – Завтра утром я отнесу все бумаги в суд. Ваше присутствие там не обязательно. Дело настолько простое, что судья завтра же и утвердит ваше право опеки. И я смогу вечерним самолетом улететь в Восточную Европу, где меня ожидает мой тамошний коллега, который помогает мне. В четверг ожидается очередное заседание комиссии по реституции, которая ждет наши бумаги.

До окончания классов оставался еще целый час, и Пётрович пристроился в кафе напротив театральной школы. Узнав о его приезде, Кристина беспрекословным тоном пригласила его на ужин во вторник. И теперь Пётрович ждал Кристину, потягивал пиво и перебирал в голове события прошедшего дня.

Самоуверенность младшего брата говорила в пользу его невиновности. Хотя доктору достать цианистый калий было проще, чем остальным членам семьи, такой расчетливый господин вряд ли будет выбрасывать пузырек в сад. Шнайдер прав, это была работа дилетанта. И, скорее всего, женщи-

ны. И, если исключить поверхностную жену младшего брата, то остается только вдова. Поставившая поминальную свечу, чтобы перебить запах миндаля. И мотив убийства мог быть сугубо личным, скорее всего, интимным. Интересно, подумал Пётрович, что может заставить такую женщину стать откровенной?

Он увидел в окно, как Кристина вышла из школы, поднялся, оставил на столе несколько монет и вышел.

Как всегда, Кристина встретила его трогательным поцелуем в щеку:

– Георг, ты замечательно выглядишь! Как Элиза, как мальчик?

– Все в порядке. Растут, читают сказки, учатся плавать. В бассейне.

– А что тебя привело к нам в этот раз? Очередное убийство? Мне Георг за обедом рассказал, что они утром со Шнайдером гуляли по окрестностям. Но, насколько я знаю Шнайдера, просто так гулять по окрестностям он не будет.

Пётрович посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Какая здесь тайна следствия, если дворецкий его студенческой любви уже в курсе всего произошедшего?

– К сожалению, ты права. Меня привело к вам очередное убийство. И Георг со Шнайдером сегодня пролили на него некоторый свет.

– Тогда пойдем быстрее домой, – сказала Кристина и взяла его под руку. – Если Георг уже обо всем знает, то я тоже

хочу знать.

– Ты никогда не была любопытной.

– Женщинам с возрастом свойственно становиться любопытными. Насколько я поняла Георга, – и Кристина рассмеялась, – именно поэтому они сегодня ходили в лавку к зеленщику.

Они сидели, лакомились отменным кроликом в сметане, украшенным слегка поджаренной цветной капустой, пили белое монастырское вино, и Пётрович, опустив подробности недавнего убийства, рассказывал хозяевам об истинных обстоятельствах смерти Кауница старшего

Когда ужин закончился, дворецкий спустился в подвал и вернулся с графином шнапса и сигарой для гостя:

– Доктор Пётрович, – разливая шнапс по рюмочкам, расставленным Кристиной, сказал дворецкий, – в том, что мы услышали со Шнайдером сегодня в лавке зеленщика, есть существенный недостаток.

– Какой? – спросил аудитор, раскуривая сигару.

– Простите мне мое воспитание, но у меня не укладывается в голове, что молодая невестка бегает в спальню к пожилому свекру, когда ее мужа нет дома. Мое воспитание говорит о другом. Что такие отношения действительно могли иметь место, но складывались они не на основе животной страсти, а на чем-то более возвышенном. Например, – тут дворецкий указал на Крестину, – на любви к искусству. К театру. Мой старый хозяин был очень энергичным мужчиной. Поэтому,

пока была жива хозяйка, мне приходилось иногда закрывать окна даже в жаркие летние ночи. Но не это было главное. Каждую субботу они парадно одевались и выезжали. В театр. Хозяин держал там ложу. Мои кумушки с удовольствием подглядывают в замочную скважину. Широко распахнутые двери им не интересны. К тому же, вечерами они заняты. Сидят напротив телевизора. Когда им видеть, что их сосед торжественно сопровождает свою невестку на выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.